

Судьба Бориса Николаевича Перцева необычна, хотя, как он сам считает, ничем особым не отличается от жизни большинства рядовых граждан того поколения, к которому принадлежит. Родился в Павлове, в семье потомственных кустарей. Его прадеды и деды с незапамятных времен занимались известным на весь мир ремеслом – изготовлением знаменитых павловских замков. Главное воспоминание детства – это полугодное существование, всевозможные лишения, жизнь в коммуналках.

Он стал солдатом практически со школьной скамьи. Восемнадцатилетним юнцом в феврале «2-го добровольцем попал на передовую. Воевал в пехоте на Калининском, затем Втором Прибалтийском фронтах. Часто оказывался в ситуациях, казалось бы, безвыходных...

В ту войну ему несказанно повезло. Во время ожесточенных боев под Невелем от разорвавшейся гранаты, когда шли в штыковую, лишь смертельным холодком повеяло. Выжил. «Годен к нестроевой» – такой врачебный вердикт позволил ему еще до конца войны нести службу на одном из аэродромов под Свердловском. Награжден высшей солдатской медалью «за отвагу», орденом Отечественной войны «за степеню, другими наградами. После контузии лечился в госпитале.

Демобилизовавшись, Борис Николаевич вернулся домой, устроился на работу. В первый послевоенный год успешно сдал вступительные экзамены на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета им. Лобачевского. Студенческие годы для него были самой счастливой порой. И это несмотря на постоянные лишения и послевоенный голод. Помощи ждать было не от

кого, а рассчитывать мог он только на самого себя. Университет дал молодому специалисту великолепную теоретическую базу, глубокие знания, которые он умело применял на практике, постоянно занимаясь самообразованием. Большую часть жизни преподавал общественные дисциплины – историю, обществоведение, логику, психологию. Работа учителя требовала не только профессиональных навыков, но и исключительного трудолюбия, честного выполнения своих обязанностей. В любимое дело он вкладывал всю свою душу. Хотя с детства мечтал заняться журналистикой, только выйдя на пенсию, смог отдаться желанному занятию.

Ветерану-фронтовику Б.Н. Перцеву сейчас далеко за восемьдесят, и он по-прежнему в строю, теперь уже литературном. Его писательское имя довольно молодо, а незаурядный литературный талант позволяет в столь почтенном возрасте активно заниматься писательством. Выходящие из-под его пера книги, коих за последнее время набралось с десяток, мгновенно расходятся среди земляков-павловчан и становятся настоящей редкостью в книжных лавках.

Круг писательских пристрастий и интересов Бориса Николаевича обширен и неисчерпаем. Романы, повести, рассказы, очерки, исторические хроники, воспоминания. Читаются они легко, на одном дыхании. Автор без прикрас, порой с нарочитой суховатостью и, вместе с тем, образно и правдиво, рассказывает о целой эпохе своих современников – поколении людей, не нуждающихся в какой-то героизации. Их жизнь – это настоящий подвиг.

Владимир ДОЛГОВ

на. — И думал, что неожиданная встреча будет более радостной, и заявился рано утром, когда никто из нас еще не ушел на работу

Входная калитка оказалась запертой, на стук вышел отец, Иван Николаевич. Увидев сына сквозь рассохшиеся доски забора, он беспомощно остановился посреди двора; не соображая, что делает, вернулся назад в кухню и на удивленный взгляд жены прошептал: Коля... Кажется, там Коля...

Евдокия Петровна беспомощно опустила руки, пытаясь понять, что творится с мужем. Упоминание о сыне встревожило ее. В тот же момент она увидела в дверях Николая и тихо застонала.

Николай пробыл дома пять дней. И все это время пытался убедить

становился их родной стихией. Необходимый элемент риска постепенно утрачивал для них остроту, превращался в неотъемлемую часть работы, а тончайшая перегородка, отделявшая на фронте человеческую жизнь от смерти, в стремительном полете переставала восприниматься. Они примирились с мыслью, что любой из полетов может оказаться последним.

Дружба их крепла изо дня в день. В полете, особенно во время смертельной схватки с врагом, они настолько научились чувствовать друг друга, что команды часто отдавались и выполнялись без слов.

Если обстоятельства службы их разлучали, оба переживали. В таких случаях Николай сообщал родителям: К сожалению, Петра Ивано-

Борис ПЕРЦЕВ:
Очерк о военном
летчике
Николае Бубнове

Бесконечны

просторы неба

На тихих фотографиях его товарищи и. Перед войной он учился с ними в енинской школе. Вот здесь, крайний справа, Коля Стайкин. Погиб на фронте. Ядом еня ысев, его лучший друг. Тоже погиб. А здесь Банин Борис. Сгорел в танке... вгений Воронков. Погиб... Иван Чамраев. Погиб... А то он сам...

С фотографий смотрят мальчишки. Одни пытливые, другие удивленно, с усмешкой или безразлично, в зависимости от минутного настроения. И никто еще не знает, что впереди у каждого из них до обидного короткий путь: окончание школы, призыв в армию, фронт...

И где-то изредка благодарные люди возлагают цветы и на их могилы.

Мы беседуем с Валентиной Ивановной Бубновой о ее брате Николае, погибшем на фронте 5 апреля 1943 года.

...В тот день лейтенант Бубнов вместе с летчиком Данилиным на самолете ИЛ-2 совершили очередной полет в тыл противника. Успешно выполнив задание, возвратились на базу. Далеко позади осталась линия фронта, до аэродрома под Можайском оставалось не более двух-трех десятков километров. Ровно гудел мотор, под крылом самолета медленно уплывали назад слегка расплывчатые очертания земной поверхности. Темные от пропитавшей их весенней влаги квадраты пашни, небольшие массивы лесов, похожие на причудливые россыпи игрушечных кубиков населенные пункты, убегающие куда-то ленты дорог. И над всем этим — огромное, теряющееся в беспредельности и пронизанное солнечными лучами небо, в котором кое-где, чуть выше курса самолета, плыли глыбы белоснежных облаков.

Жители деревни Чапаевка, над которой произошла трагедия, рассказывали: «Неожиданно откуда-то вынырнули вражеские истребители, завязалась короткая ожесточенная схватка. Наш самолет был поврежден, загорелся и, оставляя за собой полосу черного дыма, круто пошел вниз. Оба летчика погибли». Прибывшие к месту катастрофы люди нашли тело Николая на опушке леса, отброшенное в сторону при ударе самолета о землю.

Он лежал на пожухлой прошлогодней траве. Ветер слегка шевелил выбившуюся из-под шлема прядь волос, а излучавшие последние остатки тепла широко открытые глаза всматривались в бездонную глубь неба.

«Он еще живой!» — закричал кто-то из подбежавших.

Но смерть уже успела поставить точку в конце еще одной человеческой судьбы.

Передо мной на непокрытом полкованном столе — объемистая пачка писем. Большинство из них

Николай Бубнов прислал родителям с фронта в 1941-1943 годах, некоторые присланы его командирами и сослуживцами. В голубых стандартных конвертах, написанные на специальных фронтовых «секретках» или вырванных из школьных тетрадей листах бумаги, свернутых затем в «треугольник». Вместо обратного адреса — номер полевой почты; аккуратно проставлен штамп военной цензуры.

Внимательно читаю одно письмо за другим. Из небытия всплывают мгновения чужой жизни. Постепенно они сливаются в неясные контуры, которые затем принимают облик живого человека. Я пытаюсь понять мысли и чувства этого человека. Порой соглашаюсь с ним, иногда возражаю.

Валентина Ивановна:

В году брат окончил енинскую школу, некоторое время работал на заводе имени данова, а приблизительно через год был призван в армию. Сначала служил в артиллерийской части...

Девятнадцать лет! Возраст, когда человек, став взрослым, все еще с детской непосредственностью продолжает открывать для себя окружающий мир. В письмах к родным Николай не скрывает трудностей военной службы. В то же время она ему нравится. С мальчишеской гордостью он сообщает, что стал обладателем винтовки и коня. А вот живая картинка его учебных будней:

Утром мы седлаем коней, едем на них очень быстро в лес, разбиваемся на две группы и берем полосу. Преследуем друг друга... здим только галопом. Мам, если ты не знаешь значение того слова, спроси у папы... Вот что произошло недавно. Дело было в лесу. Я разогнал коня, а он... как прыгнет через кусты ле усидел в седле, даже дух захватило. В то же время родители ставят в известность: скоро ему понадобится бритва.

Покидая родной дом, Николай унес в большую жизнь благодарность и любовь к матери. Никакие испытания не охладили этого чувства. Став со временем суровым и сдержанным воином, он не считал нужным его скрывать. Как клятва, звучит его обращение к ней перед отправкой на фронт:

Мама, не беспокойся... бстановка сложная. Но что бы ни случилось, краснеть за меня тебе не придется. Будешь только мною гордиться.

Незадолго до гибели, под впечатлением нахлынувших чувств он пишет: Мамочка, я бесконечно благодарен за твою заботу обо мне...

е в детстве Коля мечтал стать летчиком, — продолжала Валентина Ивановна. — С первых дней пребывания в армии он добивался

направления в авиационное училище. На полевых занятиях повредил ногу и очень переживал, что то помешает его намерению. Но все обошлось благополучно. етное учили е Николай окончил в Мелитополе, стал штурманом. На фронт попал в самом начале войны...

Это было время тяжелых невзгод и горьких поражений. В воздухе господствовала немецкая авиация, стервятники со свастикой на крыльях нагло летали в нашем небе. Советским летчикам приходилось проявлять беспредельное мужество, чтобы давать им достойный отпор.

Только за первый год пребывания на фронте на счету у Николая Бубнова было 267 боевых вылетов. Летал он на бомбардировщике с капитаном Петром Ивановичем Клиндухом. Николай выполнял обязанности штурмана.

Ему было присвоено офицерское звание, он был награжден орденом Красной Звезды. В первый год пребывания на фронте на висках у него появился легкий налет седины. На двадцать втором году жизни!

Родители, жившие в постоянной тревоге, и то дело просили его рассказать о своих переживаниях. Тщетно! Только в одном письме встретил я упоминание о конкретных боевых делах. И то самое общее.

... Недавно попал в сильный переплет в воздухе. Думал конец. Но, как видите, жив и здоров. Только злости прибавилось. Теперь буду е упорнее бить тих задков

Николай щадил своих близких, всячески пытался погасить их тревогу. В июле 1942 года он пишет: ...Вы интересуетесь моей боевой жизнью. на скучна и однообразна. Главное в ней работа. абота, конечно, почетная бить фашистов

В письме, присланном чуть раньше, читаем: Мая встретил в условиях боевой работы. Мы по-своему отметили праздник. И в том смысле провели его на отлично

Еще письмо: себе писать вроде бы нечего. Дела у нас идут как обычно бьем фашистских псов фрицев, гансов и прочих из той же породы. И, надо сказать, бьем крепко

В сентябре 1942 года командование авиаполка предоставило Николаю Бубнову отпуск для поездки домой. Явление само по себе исключительное, получить отпуск в то время фронтовик мог только за особые заслуги.

Брат не сооб ил, что приедет, рассказывает Валентина Иванов-

себя, что судьба подарила ему неожиданное счастье. Напрасно. Сердце, мысли и даже глаза были до краев наполнены войной. И дома война непреодолимой стеной отделяла его от близких людей. Его мучило сознание, что он не может быть с ними до конца откровенным. Ведь фронтовая жизнь — повседневная игра в прятки со смертью. И если ему до тех пор чертовски везло, то рано или поздно он проиграет. Именно это он хотел от них скрыть.

Конечно, кое-что пришлось рассказать. Так, что полегче, что не слишком их напугало. Однако он не все преусмотрел. Материнское сердце не так-то просто обмануть, его рассказы встревожили Евдокию Петровну. Затуманенными от слез глазами тайком рассматривала она седину на висках сына и тщетно искала нужные слова, чтобы вызвать его на откровенность. Слова не находились.

Николай встретился с Лидой Тимофеевой, девушкой, которую любил со школьной скамьи. Она поехала провожать его до Горького. Там при расставании они зашли в первую попавшуюся контору загса и оформили брачные отношения. Но их попытка обмануть судьбу оказалась неудачной. В самом начале войны зачеркнула обретенное ими счастье жирной черной чертой. Лидии Викторовне довелось еще раз, и в последний, увидеть Николая. В 1952 году при его перезахоронении ее пригласили в село Никольское под Можайском для опознания останков.

На фронте общая опасность сближала людей, делала их более открытыми и искренними, а главное — бескорыстными.

... ронтовая дружба не имеет цены, — пишет Николай, — и для каждого из нас дорога.

Судьба свела его с человеком, дружбу с которым разорвала только смерть. Больше года Николай Бубнов летал в одном экипаже с капитаном Петром Ивановичем Клиндухом. Летали в основном ночью. Бомбили различные объекты и коммуникации в ближайших тылах врага, доставляли грузы партизанам. Неоднократно их самолет «нарылся» на огонь вражеских зениток и, поврежденный, из последних сил «тянул» до своих. Как-то летом 1942 года их сбили во время полета к партизанам в Брянский лес. Обоим удалось спуститься на парашютах. Серьезно раненые, истекающие кровью, уходили они от преследования немцев.

Оба до самозабвения любили летать, и чем больше летали, тем больше безграничный простор неба

веча сейчас со мной нет. Или: ... Петр Иванович в километрах от меня, но скоро мы будем вместе.

В одном из писем родителям Николая Клиндух вложил свою фотографию и написал: Все может случиться. Помните рядом с Николаем был человек, до самого конца разделявший с ним как радости, так и горести.

И все-таки они оказались в разных экипажах и погибли порознь, но Николай раньше. Смерть товарища потрясла капитана Клиндуха. В наполненном безграничной горечью письме он сообщает в Павлово: Не стало Николая... И далее, в состоянии безнадежной обреченности, с чувством тоски по погибшему другу: ...а я е жив. И через несколько строк: Когда на его похоронах меня попросили выступить, я долго не мог начать говорить... Не мог осознать он был тут, и его уже не было... Мне хотелось найти какие-то особые слова, чтобы присутствовавшие поняли, каким он был замечательным человеком. Хотя все они его хорошо знали и любили.

Валентина Ивановна: Изо дня в день мы ждали весточку с фронта. Но когда кто-нибудь из нас подходил к почтовому я или видел приближавшегося к дому почтальона, сердце холодело, ведь вместо письма могла оказаться похоронка. А когда похоронка действительно пришла, отец утаил ее от нас и целый месяц где-то прятал... Самый тяжелый удар обрушился на маму. До конца жизни она от него так и не оправилась...

Из письма политука воинской части капитана И.В. Петунина: ... ейтнант Николай Бубнов до конца выполнил свой долг... Спасибо вам, что вырастили такого сына. Вместе с вами мы, его боевые товарищи, гордимся им. Будьте уверены, мы сумеем отомстить за него ненавистному врагу. Заверяю вас, что сделаем все, чтобы Красное Знамя вновь развевалось на всей нашей священной земле. . . г.»

И вновь передо мной желтевшие любительские фотографии довоенных лет. Смотрят с них мальчишки, которым не суждено было стать взрослыми. И мне почему-то казалось, нет, я был уверен, что пишу очерк не только о Николае Бубнове, но и о каждом из них, о многих других, кто в трудную для Родины годину ушел из родного дома, чтобы никогда уже не вернуться к своему близким.